

ALEX CODER

АГРОНОМ: ЖЕЛЕЗО И ИЗВЕСТЬ

АГРОНОМ: ЖЕЛЕЗО И ИЗВЕСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ALEX CODER

Alex Coder

Агроном 3: Двойной след

«Автор»

2026

Coder A.

Агроном 3: Двойной след / А. Coder — «Автор», 2026

Один человек строит империю в огне V века. Другой ищет правду в стеклянных лабиринтах 2026 года. Пока Андрей Вершинин превращает лесное Городище в неприступную крепость, готовит свои фаланги к встрече с гуннской бурей и распутывает тайны древних святилищ, его тело в московской реанимации угасает под монотонный писк аппаратов ИВЛ. Официальное заключение гласит: «Несчастный случай на льду». Но Лена знает — это ложь. Устроившись под чужим именем в агрохолдинг, где работал Андрей, она шаг за шагом вскрывает многомиллиардный заговор промышленного шпионажа. Охота за его секретным штаммом регенерации почв перешагнула границы закона: в деле замешаны международные синдикаты, исчезнувшая без следа агент Влада Ким и неизвестный убийца, нанеший удар в спину. Но чем глубже Лена погружается в тайны корпорации, тем сильнее стирается грань между двумя мирами. Необъяснимая связь с коматозным другом посылает ей знаки сквозь ткань времени.

© Coder A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Гордыня пепла и Узнавание	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Alex Coder

Агроном 3: Двойной след

Гордыня пепла и Узнавание

Ночная кузня Вульфа гудела тихим, ровным жаром. Остывал кирпичный горн, а тяжелый запах горелой окалины и льняного масла плотно висел под низкими потолочными балками.

Андрей уже ушел, оставив Рим и Готию наедине с их перекованным, новообретенным статусом граждан одной крепости. У огромной дубовой колоды с наковальней, переминаясь в скрипучих старых калигах, стоял центурион Варрон. Он смотрел, как старый седой Гай Валерий, когда-то носивший белоснежную тогу патриция с пурпурной каймой, сейчас в грязном кожаном фартуке сдувает угольную пыль с куска пергамента. А в метре от него, опершись на массивные подлокотники своей деревянной каталки, застыл исполинский немецкий кузнец-калека Вульф. В его глазах отражались остывающие красные угли.

Варрон, прошедший ад дунайских легионов, хрипло усмехнулся. В этой усмешке была и горечь рухнувшего античного мира, и восхищение вывернутой наизнанку логикой лесного Городища.

— Подумать только, — центурион провел грубой ладонью по покрытому зазубринами краю деревянного щита, лежащего в ремонте. — Юпитер сошел с ума. Мир перевернулся кверху дном... Высокородный римский патриций-архитектор ползает в глине и чертит подземные клоаки для дикого лесовика в куртке из шкуры ящера. А лучший гладиаторский кузнец лудусов скует этому же дикарю гвозди. Как мы до этого дожили, Гай?

Старый архитектор медленно свернул пергамент. Он даже не нахмурился от солдатского подкола Варрона. Его лицо было спокойным, высеченным из того самого камня, который он клал в основания бань.

— Ошибаешься, Марк Варрон, — глухо, но твердо ответил бывший аристократ, поднимая усталые, глубоко посаженные глаза на сотника. — Тот, кого ты по привычке называешь «диким варваром», за полгода сотворил в этом холодном торфянике то, о чем гниющий на глазах Сенат в Риме не смеет даже мечтать. Он дал моим знаниям жить. Настоящий дикарь — это императорский префект, который воровал мои чертежи, мешал известь с песком ради жадности и позволил эпидемиям убивать детей в трущобах Империи. Андрей... он строит жизнь. Я горжусь тем, что мои руки по локоть в его северной грязи.

Варрон задумчиво помолчал. Спорить с фактом, что они впервые за годы спали в тепле, с полным желудком и не боясь удара ножом в спину от своего же центуриона за кусок хлеба, было бессмысленно. — Если боги и вправду отвернулись от Рима, — бросил напоследок легионер, направляясь к тяжелой дубовой двери кузницы, — значит, наш новый Рим теперь пахнет этим вашим угарным дымом. Бывайте, старики. Центурион ушел, пустив холодный ветерок ночи, оставив немца и римлянина одних.

Дверь хлопнула. Только треск угольев и сбитое дыхание огромного калеки Вульфа нарушали вязкую, чудовищную, десятилетиями настоящую Тишину, повисшую между этими двумя непохожими стариками.

Гай Валерий не спешил уходить в свой чистый, протопленный канцелярский сруб. Римлянин подошел к чану с холодной водой, сполоснул измазанные сажей тонкие аристократичные пальцы и, не поворачивая головы, заговорил на идеальном, не искаженном вульгарной латынью диалекте свободного маркоманского заречья:

— Долго мы еще будем делать вид, что ослепли, Вульфхар из клана Вепря?

Громадный безногий германец вздрогнул. Мышцы на его шее, переплетенной грубыми синими жилами, вздулись узлами. Он опустил тяжелые мозолистые кулаки на подлокотники своей скрипучей каталки, до боли сжимая их. Вульф повернул массивную рыжебородую голову. В его светлых, прозрачных как зимний лед глазах горела мучительная, тщательно задавливаемая много месяцев ненависть вперемишку с горьким недоумением.

Это была не случайность херсонесского рынка рабов, как думали Андрей и Юлия. Мироздание Пятого столетия оказалось до насмешки тесным. Они оба, гордый римлянин и великий варвар, наотрез отказались узнавать друг друга в тот мерзкий день у невольничьей ямы в Крыму, отгородившись друг от друга невидимой, толстой бетонной стеной застарелой гордыни.

— Не произноси этого имени, квирит (римлянин), — рыкнул кузнец, и голос его клокотал глухим рокотом кузнечных мехов. — Тот свободный Вульфхар, который когда-то пил эль из одного кубка с наместниками Траяна на берегах Рейна... умер. Остались только обрубки ног гладиаторского скота, который заставили выковывать наручники для своих же сородичей на римских аренах.

Гай тяжело вздохнул и обернулся. Его глаза смотрели на немца с безжалостной печалью пережитого горя.

Семнадцать лет назад, на пограничной полосе германского Лимеса, молодой, богатый, блистательный архитектор Гай Валерий закупал у вольного вождя мастеров — могучего, еще стоявшего на двух ногах Вульфа — уникальную тигельную сталь для решеток строящегося моста. Они уважали друг друга. Но потом вмешалась алчность римских легатов. Провинциальный наместник, тот самый, что позже сфабриковал дело о краже акведука и погубил карьеру Гая... отдал тайный приказ окружить деревню маркоманов. Легионы вероломно ударили ночью. Деревня была сожжена. Вульф, доверявший "Римскому Слову", не выставил заслонов и в одиночку положил у наковальни десятерых стражников, прежде чем его оглушили, сковали цепями и бросили в рабскую баржу, обрекая на смерть под ударами плетей на гладиаторских складах. А молодого Гая Валерия заставили тогда смотреть на горящие хижины друзей и подписать акт о "мятеже", шантажируя жизнями его собственных детей (маленькой Юлии). Гай смолчал и отвернулся. И с этой ночи его честь начала медленно, удушливо гнить.

Сарафанное рабское радио античности работало безотказно. Валяясь в лужах помойных ям невольничьих рынков в разных частях рушащейся империи, они всё знали друг о друге по шепотку других рабов. Вульф, бунтовавший в школе гладиаторов, переломавший колени надсмотрщикам и брошенный гнить инвалидом-калейкой с подрезанными сухожилиями. И блестящий Патриций Гай Валерий, растоптанный теми же самыми коррумпированными римскими боровыми, выгнанный в нищету, скитающийся, как дворовая собака, с плачущей дочерью на руках, докатившийся до грязной распродажи собственных тел за кусок солонины в боспорской гавани Херсонеса.

С тех пор, как чудаковатый северный человек в странной синей куртке — Андрей — скупил их на том торгашеском невольничьем пне и бросил в одни обозные сани... Гай и Вульф ни разу не заговорили об этом. Непередаваемый, пожирающий душу стыд Патриция, потерявшего империю и гордость, и глухая, тупая ненависть преданного Свободного Варвара воздвигли между ними в Городище тугую стену немоты.

Они избегали встречаться глазами. Инженер Гай молча совал в окошко кузницы чертежи водопроводных скоб, а Вульф молча, до миллиметра точно выковывал по ним идеальные клинки для задвижек и швырял обратно, втыкая в пенёк у двери. Одиночество старых обид разъедало их изнутри в этой чужой, новой для них Вселенной Леса.

Ночная кузня Вульфа гудела тихим, ровным жаром. Остывал кирпичный горн, а тяжелый запах горелой окалины и льняного масла плотно висел под низкими потолочными балками.

Андрей уже ушел, оставив Рим и Готию наедине с их перекованным, новообретенным статусом граждан одной крепости. У огромной дубовой колоды с наковальней, переминаясь в скрипучих старых калигах, стоял центурион Варрон. Он смотрел, как старый седой Гай Валерий, когда-то носивший белоснежную тогу патриция с пурпурной каймой, сейчас в грязном кожаном фартуке сдувает угольную пыль с куска пергамента. А в метре от него, опершись на массивные подлокотники своей деревянной каталки, застыл исполинский немецкий кузнец-калека Вульф. В его глазах отражались остывающие красные угли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.